

Ю. Ю. Пажит

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДОВОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В настоящее время в большинстве исследований принято выделять экономику НКВД в качестве самостоятельного и весьма существенного сектора народного хозяйства СССР. Специфика ее объясняется, во-первых, участием ведомства в развитии фактически всех отраслей промышленности и сельского хозяйства, а во-вторых, вовлечением в них значительного числа людей, свобода которых была в той или иной степени ограничена государством. Необходимость изучения проблемы трудового использования спецконтингента НКВД объясняется и тем, что именно труд дал название сложившейся в СССР системе мест лишения свободы («исправительно-*трудовые* учреждения»), соответствующей отрасли законодательства («исправительно-*трудовое* право»), некарательному воспитательному воздействию, применяемому к осужденным («исправительно-*трудовое* воздействие»), организационной форме обеспечения занятости («*трудоиспользование*»).

Уже на начальном этапе утверждения советской административно-командной системы работавшие на Западе экономисты отмечали широкое применение в ней различных форм принудительного труда. По мнению специалистов экономического кабинета С. Н. Прокоповича, принудительный труд в СССР существовал в трех основных формах: прямой принудительный труд, назначаемый судом и административными органами за преступления и проступки; «скрытые виды применения принудительного труда в виде выполнения различного рода повинностей и трудовых обязательств»; «косвенное принуждение к труду посредством создания условий невозможности свободного выбора»¹. Пользуясь этой весьма емкой классификацией, рассмотрим первую форму принудительного труда — прямой принудительный труд, а также его организацию в годы Великой Отечественной войны на примере Свердловской области.

С началом войны НКВД СССР пришлось ликвидировать ряд строек и лагерей, вывезти заключенных из прифронтовой зоны в восточные районы страны. Всего было эвакуировано 27 исправительно-трудовых лаге-

рей и 210 колоний с общим числом заключенных 750 тыс. человек². Это во многом обусловило создание ИТЛ в тыловых районах страны, в том числе и в Свердловской области. Во время войны здесь функционировали такие крупные лагерные комплексы, как Богословлаг, Востураллаг, Ивдельлаг, Лобвинлаг, Севураллаг, Тавдинлаг, Тагиллаг. Так, в январе 1941 г. общее число заключенных на Среднем Урале составляло 3 % (61 441 чел.) их численности по СССР (1 929 729), в декабре 1941 г. этот показатель возрос до 8 %, в конце 1942 г. — до 9 %³. Столь значительное количество размещенного в области контингента настоятельно требовало решения проблемы его трудового использования. В основном заключенные были задействованы в лесной и горно-добывающей промышленности, а также на предприятиях черной и цветной металлургии и в строительстве.

Важное место в хозяйственной деятельности ГУЛАГа НКВД СССР занимали такие лагеря Главпромстроя, как Богословлаг и Тагиллаг. Несомненно, главная роль в структуре Тагилстроя отводилась строительным районам, за которыми было закреплено возведение и пуск ключевых объектов НТМК. Согласно данным В. М. Кириллова, количество объектов, на которых труд заключенных составлял от 50 до 100 %, весьма значительно. Это мартеновские печи 4 и 5, домна 3, бандажный, бессемеровский, рельсо-балочный, фасонно-литейный и прокатный цеха, блюминг НТМК; аглофабрика, Верхневыйская плотина, Северо-Лебяженский карьер; коксовые батареи 3, 4, цех ректификации и другие объекты коксохимического производства; цементный, шиферный и новый кирпичный заводы; заводы металлоконструкций 2, 3; гофмановские печи 3, 4; строительство жилых домов; танкодром и подъездные дороги на Уралвагонзаводе; создание леспромхозов и заготовка леса в районах Винновки, Каменки, Серебрянки, Синегорска, Ясьвы⁴.

Тем не менее для адекватной оценки организации вовлечения контингентов НКВД в народное хозяйство (в данном случае на примере Северного Урала) одного перечисления использовавших их труд объектов явно недостаточно. Проведенный анализ источников позволяет внести ряд уточнений. Во-первых, строительство Новотагильского металлургического комбината шло недостаточно быстро. Организационная перестройка после принятия Тагилстроя от Наркомстроя затянулась до февраля 1942 г. Во-вторых, из установленного объема капитальных работ на первый квартал 1942 г. в размере 35 млн руб. на 20 марта было освоено только 9,8 млн, или 28 %⁵. В целом же в 1942 г. хозяйственный план Тагилстроем выполнен не был.

Следует отметить, что сложившееся на Тагилстрое положение не было исключением. Слабая организация трудового использования заключенных, а также низкая производительность труда отразились на выпол-

нении производственной программы и другими лагерями. Например, Богословстроем капитальные вложения за год были освоены лишь на 7 % от плана. Севураллаг выполнил производственную программу в 1942 г. только на 37 % (в 1941 г. — на 73 %). Не была выполнена производственная программа и Ивдельским ИТЛ: по заготовке леса она составила 28 %, по вывозке — 30 %⁶. Тем не менее данные по освоенным капиталовложениям не могут являться единственным источником для анализа созданной системы принудительного труда, ввиду того, что многие стройки НКВД финансировались без смет, по фактическим расходам. С другой стороны, с началом Великой Отечественной войны было прекращено строительство ряда крупных проектов (около 60), а большинство гигантских строек были весьма ничтожны в своем экономическом и стратегическом значении.

В результате проведенной в 1942 г. сотрудниками органов НКВД проверки были отмечены недостатки в организации трудового использования заключенных и на заводе 68 Наркомата боеприпасов. Из задействованных в производстве 900 чел. работали только 500—560⁷. Аналогичная ситуация сложилась и на Тагилстрое, где из занятых на строительстве 31,5 тыс. чел. выходили на работу лишь 71 %, а выработка на одного рабочего в день составляла 20 руб. 30 коп. вместо 35 руб., предполагавшихся по плану, достигая тем самым только 57,8 %⁸. В одном из крупнейших лагерей Свердловской области — Богословлаге — фактическая выработка на одного заключенного составляла 7 руб. 79 коп. при плане 28 рублей⁹. При этом следует отметить, что этому лагерю Наркоматом внутренних дел отводилась существенная роль в развитии народного хозяйства Свердловской области: заключенные Богословлага использовались на строительстве Богословского алюминиевого завода, Волчанских угольных разрезов, ТЭЦ, лесокомбината, сангородка, а также в разработке Ивдельского песчаного карьера и реконструкции Турьинского кирпичного завода. Тем не менее приведенные данные позволяют сделать вывод о достаточно низкой производительности труда заключенных. В целом, трудовое использование заключенных по лагерям Свердловской области характеризуется следующими показателями: по Богословлагу — 42 %, Севураллагу — 57 %, Ивдельлагу — 59 %¹⁰.

Основными причинами плохого трудового использования заключенных, низкой производительности труда и, как следствие, невыполнения производственных планов являлись крайне тяжелые бытовые и санитарные условия в лагерях, плохое обеспечение людей продовольствием. Это сказывалось на состоянии здоровья заключенных и вело к быстрому физическому истощению, высокой заболеваемости и смертности среди них. Даже по официальным данным удельный вес заключенных, работающих на производстве, снизился в 1942—1944 гг. до 65 %, а количество боль-

ных составило примерно 20 %. В начальный период войны возросло число заключенных, используемых на легких работах (с 15,6 до 38,3 %). С ухудшением материально-бытового положения контингентов НКВД одновременно возросли масштабы их использования. Вследствие этого изменился состав заключенных по группам трудоустройства. Доля используемых на тяжелых работах и работах средней тяжести заключенных в лагерях Свердловской области по состоянию на середину 1943 г. колебалась от 33,1 (Черноисточинский ИТЛ) до 81,0 % (Тавдинлаг).

Однако не всегда фактическое использование заключенных на работах находилось в строгом соответствии с их трудоспособностью. В практике работы лагерей в группу «А» включался весь состав первой и второй групп и не менее половины заключенных третьей группы (легкого труда), учитывая, что на службу, временную потерю трудоспособности и прочее должно было приходиться в среднем около 15—20 % списочного состава¹¹. Частично это зависело от администрации лагерей, которая боялась дать низкие производственные показатели, что могло повлечь обвинение в халатном отношении к работе. Таким образом, при характеристике трудового фонда лагерей к полученным из архивных источников данным следует подходить с большой осторожностью.

Обращает на себя внимание также категория неработающих по так называемым «прочим причинам». За 1941 г. лагеря НКВД по этой группе неработающих потеряли 27,5 млн рабочих дней при среднегодовом числе неработающих ежедневно 88 593 чел., или 6,1 % общего трудового фонда¹². Наличие этой категории противоречило неоднократным указаниям НКВД о борьбе за полное трудовое использование контингентов. В результате эта категория неработающих заняла прочное место в жизни строительных и промышленных лагерей НКВД. Иногда она значительно превышала 8 %. Такое положение сложилось в Ивдельлаге и Богословлаге Свердловской области¹³.

В годы Великой Отечественной войны был принят ряд постановлений с целью упорядочения трудового использования заключенных. Особенно это коснулось так называемых «отказников». В соответствии с Временной инструкцией о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях, введенной приказом НКВД от 2 августа 1939 г., заключенные, отказывающиеся от работы, подлежали переводу на штрафной режим, а «злостные отказчики, своими действиями разлагающие трудовую дисциплину в лагере», привлекались к уголовной ответственности. За нарушение трудовой дисциплины на заключенных налагались взыскания: лишение свиданий, переписки, передач на срок до 6 месяцев, ограничение в праве пользования личными деньгами на срок до 3 месяцев и возмещение причиненного ущерба, перевод на общие работы, перевод в штрафной лагпункт сроком до 6 месяцев, перевод в

штрафной изолятор сроком до 20 суток, перевод в худшие материально-бытовые условия (штрафной паек, менее благоустроенный барак).

Нередко в число отказников включали больных, слабосильных и инвалидов. Например, в 1941 г. в 5-м отделении Севураллага шесть заключенных, выполнивших норму на 80 % и более, были зачислены отказниками. В 7-м отделении 28 заключенных, посаженные за кражи и бандитизм в ИЗО на 10 суток, на производство не выводились и были также зачислены отказниками. В этом же лагере (13-е отделение) 377 заключенных, по своему физическому профилю числившихся в категории «легкого труда», использовались на тяжелых работах, поэтому систематически не выполняли норм выработки. Следствием было снижение норм питания и ослабление организма, а затем зачисление этих заключенных в отказники. Таким образом, в Севураллаге число отказов составляло 29 227 человекодней¹⁴. К сожалению, выявить, сколько из них было следствием неправильного трудового использования и халатного отношения администрации лагеря к заключенным, не представляется возможным. С другой стороны, можно утверждать, что сложившееся положение в лагерях Свердловской области существенно снижало экономическую эффективность использования принудительного труда.

С целью наиболее рационального использования подведомственных НКВД контингентов в 1941 г. на имя заместителя наркома внутренних дел С. Н. Круглова поступило письмо начальника ГУЛАГа НКВД СССР В. Г. Наседкина с предложением увеличить рабочий день до 11 часов для использовавшихся на контрагентских работах заключенных¹⁵. До этого была принята среднегодовая 10-часовая длительность рабочего дня, в соответствии с чем для заключенных были определены нормы выработки путем применения поправочного коэффициента 1,2 к норме вольнонаемного рабочего. Обоснованием послужило то, что фактически заключенные работали менее 8 часов, поскольку требовалось значительное время, чтобы доставить их до места работы и обратно. Кроме того, режимные требования предполагали уход рабочих еще в светлое время суток с целью снизить вероятность побегов. Следует отметить, что предоставление рабочей силы из числа заключенных предприятиям других ведомств стало необходимой составляющей функционирования лагерей на территории Свердловской области в связи с переводом их на самокупаемость. Кроме того, численность заключенных была столь значительной, что лагерь были просто не в состоянии задействовать всех в собственном производстве.

Вместе с тем особые условия принуждения и трудового использования заключенных способствовали распространению приписок и ложных отчетов, судя по всему, в большей мере, чем это было присуще всей советской экономике. Воспоминания бывших заключенных переполнены

свидетельствами о том, с каким упорством и изобретательностью в лагерях стремились «зарядить туфту». Этот термин, получивший широкое распространение в лагерях, был порождением не менее распространенной системы приписок, в сохранении которой были заинтересованы не только сами заключенные, но и их начальники¹⁶.

Так, при проведении инвентаризации военной продукции на заводе 72 НКБ была выявлена нехватка изделий М-13 (зарядов для «Катюши») в количестве свыше 10 тыс. штук¹⁷. На заводе 183 НКТП (Н. Тагил) приписки по выпуску танков составили: в мае 1942 г. — 70 шт., а в июне того же года — уже 166¹⁸. Факты приписок по производству корпусов мин, бронебойно-зажигательных снарядов, боевых патронов были выявлены на заводах 822 НКМВ (Сысерть, директор Коркин), 63 НКБ (Н. Тагил), 529 (Н. Ляля, директор Аристов). На заводе 56 (Н. Тагил) приписки увеличивались из месяца в месяц. Созданная по указанию УНКВД Нижнетагильским горотделом экспертная комиссия провела в ноябре 1942 г. проверку на складах готовой продукции и не досчиталась 129 597 мин, зенитных и реактивных снарядов¹⁹. Приведенные примеры заставляют усомниться не только в действенной организации труда заключенных, но и в самой эффективности созданной системы.

Постоянной проблемой, с которой сталкивались органы НКВД, являлось стимулирование трудовой деятельности заключенных. В лагерях существовала достаточно разветвленная система стимулов, напрямую связывавшая условия жизни заключенных с производительностью их труда. Поощрение передовиков, создание условий, имевших для них жизненное значение и потому являющихся мощными стимулами, повышало производительность труда определенной части заключенных (для администрации лагеря это означало весьма незначительные дополнительные расходы). С другой стороны, потери рабочей силы, вызванные этой радикальной системой стимулирования среди той части контингента, которая не смогла приспособиться к тяжелым условиям труда и жизни в лагере, являются достаточной причиной — даже без учета ее очевидных моральных издержек — серьезно сомневаться в экономической эффективности рассматриваемой системы стимулов в целом.

Анализ архивных источников по исследуемой проблеме позволил сделать вывод, что на протяжении всего военного периода организация труда заключенных не была должным образом налажена. Это было вызвано как объективными, так и субъективными факторами. Зачастую при организации работ отсутствовали производственная и сырьевая базы. К этому следует добавить суровый климат, тяжелые условия труда и быта. Следствием было быстрое физическое истощение людей, высокая заболеваемость и смертность. Изучение материалов по Свердловской области позволяет говорить об определяющем влиянии условий содержа-

ния контингентов НКВД не только на их численность, но и на весь производственный процесс. Многочисленные сообщения из лагерей, акты проверок состояния ИТЛ свидетельствуют о невозможности вывести раздетых заключенных на работу, об отсутствии матрацев и постельного белья. Тем не менее в качестве задачи ГУЛАГа НКВД СССР никогда не ставилось массовое уничтожение людей, несмотря на часто халатное, а иногда и преступное отношение к ним со стороны низовой лагерной администрации и руководства хозяйственных органов. Напротив, спецконтингент требовалось сохранить и наиболее эффективно его использовать. Отсутствие достаточных ресурсов, огромный бюрократический аппарат ГУЛАГа, крайне низкий уровень квалификации сотрудников делали эти попытки неэффективными. Это отчетливо прослеживается на материалах по Свердловской области. В дальнейшем, возможно, всесторонний анализ проблемы позволит прийти к выводу о значительно меньшей роли принудительного труда контингентов НКВД в развитии экономики страны.

¹ См.: История Сталинского Гулага: Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собр. док.: В 7 т. Т. 3. Экономика Гулага / Отв. ред. и сост. О. В. Хлсвнюк. М., 2004. С. 22.

² См.: Там же. Т. 4. Население Гулага: численность и условия содержания / Сост. И. В. Безбородова, В. М. Хрусталева. М., 2004. С. 95.

³ См.: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2787. Л. 1, 3, 17, 18.

⁴ См. об этом: Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала, 1920-е – начало 50-х годов. Ч. 2. Нижний Тагил, 1996. С. 39.

⁵ См.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 43а. Д. 3835. Л. 3.

⁶ См.: Архив УФСБ Свердл. обл. Ф. 1. Оп. 1. Д. 105. Л. 14.

⁷ См.: Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 105. Л. 1.

⁸ См.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 43а. Д. 3825. Л. 3.

⁹ Архив УФСБ Свердл. обл. Ф. 1. Оп. 1. Д. 105. Л. 14.

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ См.: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1181. Л. 16.

¹² См.: Там же. Д. 1183. Л. 18.

¹³ См.: Там же.

¹⁴ См.: Там же. Д. 1434. Л. 15.

¹⁵ См.: Там же.

¹⁶ См., например: Правда о ГУЛАГе: свидетельствуют очевидцы. Тула, 1991; и др.

¹⁷ См.: Вольхин А. И. Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.: Дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2001. Л. 231.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 232.